

Глава 18

— Люгуана очень трудно добиться.

Пробормотал Цзянь Цзэ.

Действительно трудно.

Он до сих пор помнил, как влюбился в него в девятом классе и как три года, до одиннадцатого, добивался его, прежде чем они наконец-то начали встречаться.

Он долгое время делал за него домашние задания, каждый день, в любую погоду, приносил ему горячий завтрак, стирал его одежду. Конечно, это были обычные, повседневные вещи, которые он делал бы и так, даже если бы не добивался его.

Ему нравилось заботиться о Люгуане, видеть, как тот растёт здоровым и сильным, это приносило ему чувство удовлетворения.

Он особенно хорошо помнил, как в первые два месяца старшей школы Люгуан был постоянно в плохом настроении. Оказалось, ему не нравилось жить в школьном общежитии, где приходилось стоять в очереди в душ. Цзянь Цзэ, не раздумывая, принял решение, которое всем показалось смелым.

Он перешёл на дневное посещение, а на самом деле после уроков подрабатывал, чтобы заработать денег.

Тогда Цзянь Цзэ был ещё несовершеннолетним и прошёл через многое, но когда он на заработанные деньги снял для них чистую, отдельную комнату, он был счастлив.

Потому что Люгуан сам обнял его, и от него так приятно пахло.

Цзянь Цзэ считал это главным моментом своей жизни, который он будет помнить всегда.

Эти сладкие воспоминания были яркими даже сейчас, но, сталкиваясь с холодной реальностью, они казались несбыточной мечтой. Цзянь Цзэ, поджав губы, крепче сжал телефон. Помолчав, он снова опустил голову и растерянно повторил:

— Люгуана очень трудно добиться.

Менеджер, вспомнив ту фотографию, вздохнул:

— Я заметил. — Собирая информацию о его первой любви, он обращал внимание только на слухи о том, как тот меняет парней как перчатки.

Он и не заметил его лица.

Вчера, после того как Цзянь Цзэ бросил трубку, менеджер решил внимательно всё посмотреть.

Фотография была явно сделана тайком.

Вероятно, у входа в какой-то супермаркет. Юноша был одет в длинное коричневое пальто до колен и чёрные брюки, облежавшие его стройные, прямые ноги. Он, слегка согнув ноги, прислонился к двери машины. Высокий, как модель.

Было холодно. Его чёрные волосы были распущены, а бледное лицо в туманный, дождливый день казалось особенно холодным. Он поднял глаза, неизвестно на кого глядя. Его красивые лисьи глаза, похожие на стеклянные бусины, выражали нетерпение.

Красота с характером.

От неё возникало непреодолимое желание преклонить перед ним колени, сделать для него что-то.

Неудивительно, что Цзянь Цзэ сошёл с ума.

Будь на его месте он, он бы тоже обезумел.

Менеджер не решился высказать свои мысли вслух. Цзянь Цзэ не отличался высоким эмоциональным интеллектом, и на телешоу он часто вёл себя вызывающе. В начале карьеры это ещё сходилась ему с рук, но, став знаменитым, он перестал себя контролировать и мог нахамить кому угодно.

Но его талант был неоспорим, и фанаты всегда находили оправдания, говоря, что у всех гениев свои причуды. Так что эти скандалы не особо вредили его репутации.

Кашлянув, менеджер вернулся к реальности и посмотрел на неподвижно стоявшего Цзянь Цзэ.

— Он тебе ещё не ответил?

Цзянь Цзэ, держа телефон, ответил:

— Ответил.

— И что?

— Вопросительный знак.

Менеджер:

— О, он увидел новость и разозлился?

Цзянь Цзэ обернулся:

— Ты его не знаешь. Он не станет злиться из-за таких вещей.

Менеджер:

— А из-за чего он злится?

Цзянь Цзэ нахмурился и снова повернулся к нему.

— Зачем ты спрашиваешь?

В его тёмных глазах читалась холодность, он смотрел на него как на соперника.

Менеджер: «...»

Уже и со мной соревнуется?

Цзянь Цзэ переслал ему слух, опубликованный каким-то новостным каналом. Юй Люгуан пролистал ниже и увидел несколько размытых фотографий, сделанных у больницы. На них было видно, как он идёт рядом с Цзянь Цзэ.

Он несколько секунд смотрел на них, затем медленно убрал руку, подпиравшую подбородок, и откинулся на спинку дивана.

Значит, Цзянь Цзэ действительно стал певцом.

Он помнил, как на уроках музыки в средней школе учитель говорил, что у Цзянь Цзэ хороший голос и слух и что ему стоит пойти по этому пути.

Но у детей из приюта не так много возможностей.

Цзянь Цзэ это не особо интересовало, но ему нравилось писать тексты.

Он твердил, что напишет об их с Люгуаном истории, а потом найдёт певца, который положит их на музыку.

Юй Люгуан спросил, почему бы ему не спеть самому.

Цзянь Цзэ на мгновение засомневался, словно не веря в себя, и спросил:

— Ты правда думаешь, что я смогу?

В тот момент Юй Люгуан слушал, как за окнами школы громкоговоритель кричит: «Продаются лепёшки, хрустящие, по полтора юаня за штуку», и рассеянно ответил: «Да».

Их средняя школа была маленькой.

Учебный корпус находился рядом с воротами, и звуки проезжавших мимо машин, собиравших макулатуру или продававших сладости, всегда были отчётливо слышны.

Юй Люгуан уже не помнил, что говорил Цзянь Цзэ после этого.

Но он помнил, что тот обещал купить ему лепёшку.

Та лепёшка была невкусной. Острая приправа была распределена неравномерно, а сама она была твёрдой, совсем не хрустящей. Юй Люгуану сначала хотелось её съесть, но, попробовав, он разочаровался. Съев пару кусочков, он нахмурился и отложил её. В итоге её доел Цзянь Цзэ.

Эти воспоминания были слишком отчётливыми.

Юй Люгуан на мгновение задумался, затем отложил телефон, встал и, порывшись в ящике, достал новую банковскую карту.

— Тогда я первым довёл до максимума уровень гнева Цзянь Цзэ, и сейчас он снова первый, — Юй Люгуан сфотографировал карту и отправил Цзянь Цзэ. — Хорошо, что я её не использовал.

Система быстро нашла соответствующую информацию:

[Я помню, эту карту тебе оставил Цзянь Цзэ.]

— Угу, — Юй Люгуан сел обратно на диван и, глядя на карту, подавил кашель. — Как думаешь, если я скажу ему, что не потратил ни юаня с этой карты, он, как и в прошлый раз, сразу снизит уровень гнева на пятьдесят пунктов?

В его голосе не было никаких эмоций.

— И он всё ещё меня любит? Когда я узнал его в отеле, я, хотя и не знал, чем он сейчас занимается, думал, что мог бы поддержать его карьеру, как друг детства. А теперь...

«Всё ещё» — в этом слове было слишком много удивления.

Система считала, что это было вполне ожидаемо.

Никто, кто встречался с ним, не мог расстаться с ним мирно и спокойно всё забыть. Пройдя с ним столько миров, система в этом не сомневалась.

Менеджер не знал, что увидел Цзянь Цзэ в телефоне. Что ему такого написала его первая любовь?

Высокий, крепкий мужчина вдруг покраснел, сжал телефон, несколько раз недоверчиво увеличил изображение, а затем вскочил и убежал в свою комнату.

— ...??

[Уведомление: Уровень гнева Дитя удачи [Цзянь Цзэ] -40, текущее значение 10.]

Уведомление, как и ожидалось, прозвучало. Юй Люгуан, облизав губы, медленно отложил телефон.

Через некоторое время он прокомментировал:

— Он всё такой же, как и раньше. Кроме цвета волос, ничего не изменилось.

Система помолчала и спросила:

[Какой он был раньше?]

Юй Люгуан ответил:

— Щенок. Фацай на него похож.

Система:

[...Ты говоришь о той собаке или о Чжу Яньшу?]

Юй Люгуан на мгновение замер, а затем рассмеялся, его лисьи глаза сощурились.

— Какой же ты глупый. Конечно, о собаке.

Система помолчала и тихо ответила:

[О.]

— Спать хочется. Позже подумаю, что делать дальше.

Юй Люгуан снял резинку с волос, лёг в постель и крепко заснул.

Его разбудил телефонный звонок.

Было пять часов вечера. Длинная, изящная рука потянулась к телефону. На экране высветилось имя «Дуань Тин».

Юй Люгуан был не в духе, когда его будили. Он, прищурив сонные глаза, в уголках которых собралась влага, холодно спросил:

— Что-то случилось?

Его голос после сна был не только холодным, но и хриплым, что придавало ему особую притягательность.

Словно он только что тяжело дышал.

Дуань Тин на несколько секунд замолчал. Он вспомнил, как во время их отношений Юй Люгуан не позволял целовать себя в язык, и тогда он проводил пальцами под его одеждой.

В конце концов тот, не в силах сдерживаться, прижимался к нему, одной рукой сжимая его

шею, и его срывающееся «Дуань Тин» звучало так же хрипло, как сейчас «что-то случилось».

Дуань Тин тут же решил, что Юй Люгуан с кем-то в постели.

Он побагровел от гнева и, стиснув зубы, сказал:

— Тебе не страшно, Юй Люгуан?

Юй Люгуан откинул одеяло и, сдерживая раздражение, встал и пошёл к выходу.

— Что ты хочешь сказать?

Дуань Тин:

— Я слышал всё, что ты говорил Жун Сюаню в больнице. Ты двуличный. Я всё записал. Не боишься, что я дам им послушать?

Юй Люгуан холодно усмехнулся:

— О, так дай. Зачем ты мне об этом сообщаем? Какой реакции от меня ждёшь? А?

Он умел довести человека до бешенства парой слов.

Дуань Тин едва сдерживался, чтобы не представить его в постели. С кем он сейчас? Он так громко говорит, не боится, что его любовник услышит? У Дуань Тина от гнева запульсировало в висках, и он выдавил из себя:

— Выйди ко мне. Поговорим лично. Я внизу.

Юй Люгуан вошёл в ванную, умылся холодной водой, и его сонный мозг наконец-то прояснился.

Он сбросил вызов. Дуань Тин решил, что это отказ, но через несколько минут юноша, накинув тонкую куртку, спустился вниз. Дверь машины с хлопком закрылась, и он сел на пассажирское сиденье.